

На спектакль Театра им. Моссовета "Шум за сценой" по пьесе М.Фрейна достать билеты практически невозможно. И это при том, что публика сейчас не очень-то театры посещает. А все объясняется просто: в спектакле играет Ян Арлазоров. Ярko, напористо и необыкновенно смешно. Зрители принимают его восторженно.

дочка учится в институте...

— Совершенно верно. В юридическом. Когда его закончит, у нее будет много работы, если судить по нынешней криминогенной обстановке.

— Значит, пошла по стопам вашего отца?

— Так уж получилось, хотя бабушка, моя мама, — врач, мечтала увидеть ее продолжателем своего дела. Но каждый сам выбирает свое место в жизни. Когда я поступил в Щукинское, родители были в ужасе, но потом — ничего, смирились.

— Ян, как по-вашему, почему многие юмористы в жизни несколько мрачноваты, неразговорчивы?

— Ну как вы думаете, может, например, литейщик, повар, шахтер, строитель или певец, придя домой с работы, делать то же самое, чем он занимался весь день? Так и юмористы. На сцене обличаешь, остришь. А домой придешь — воочию сталкиваешься с тем, что только что обличал и развенчивал. Тут уже не до смеха. Вообще юмо-

о встречах со знаменитостями и таким образом общаются к ним, думаю, еще рановато.

— Тем не менее таких встреч, судя по всему, у вас было немало?

— Да уж! На эстраду я попал, например, с легкой руки Утесова. Однажды на каком-то капустнике он увидел меня "в работе" и угорворил пойти на эстрадный конкурс. На том памятном Шестом Всесоюзном, где председателем жюри Аркадий Райкин, я стал лауреатом. С этого все и началось.

— Сейчас некоторые юмористы-сатирики стали дружно осваивать не очень-то смежную с их основным жанром профессию — ление. Что же вы отстааете?

— Если ты играешь в футбол ногами, это вовсе не значит, что ты можешь так же ловко играть руками в баскетбол. Жванецкий как-то произнес эпохальную фразу, имеющую отношение как бы вроде лично к нему, а на самом деле — по поводу сатириков: "Мне еще есть о чем сказать". Мне тоже есть, что сказать,

кого училища в Центральном детском театре. А на эстраду меня привела любовь к этому искусству. Я эстраду ставлю в некотором смысле даже выше театра. Ведь в театре, чего греха таить, могут работать люди и без искры Божьей. Там можно спрятаться за спину талантливому партнеру, воспользоваться режиссерскими находками. А на эстраде ты один. Сам себе режиссер, сам себе актер, сам декорация, сам герой. Тут надо уметь удивлять, ведь искусство без интриги — не искусство. В театре ее создает драматург, а на эстраде все зависит только от тебя.

Я нередко проделываю своеобразный опыт. Выступает, скажем, по ТВ актер или автор-сатирик. Я выключаю звук. Вижу на экране только изображение, к тому же часто — статичное. Интересно? Не очень! Если же вижу оригинальные жесты, мимику, реакцию зала — мне уже интересно и хочется услышать, о чем он там... Эстрада не должна быть слишком рафинированной, но не должна и опускаться до примитивной пошлятины. Она притягивает зрителя своей доступностью, броскостью. Но надо, чтобы под ярким макияжем было искусство.

— А театр?

— Это несколько элитарное зрелище. Пойти в театр для кого-то слишком серьезное мероприятие, в ночной клуб — слишком дорогое, а вот отправиться на эстрадный концерт — это возможность получить порцию смеха по вполне доступной цене.

— Ян, какой вы в жизни?

— Я очень сложный. У меня отсутствуют защитные средства от хамства, жестокости, наглости. Я перед ними пасую и долго не могу прийти в себя. Люблю одиночество. Люблю лежать, размышляя и анализируя. Одно время увлекался Востоком, его мудрость меня покоряет и удивляет: "Меньше читай — больше думай". Эти простые слова люблю повторять себе. Что касается общения, то я человек средней общительности. Рубахой-парнем не назовешь.

— С кем-нибудь из артистов дружите?

— Скорее просто контактирую. Люблю, например, Сашу Розенбаума. Хотите анекдот "от него"? Лес. Два гриба — белый и мухомор. Мухомор (ехидно): Видел грибника с большим ножом. Вот он сейчас подойдет и тебя срежет, принесет домой, сварит и съест. Белый (свысока): А тебя кирзой по морде. По красной.

— А вдруг вы когда-нибудь увидите полупустой зал, потухшие глаза и снисходительные улыбки зрителей — что тогда?

— Как говаривали Ильф и Петров, перекавалифицируюсь в управдомы. Но я постараюсь, чтобы в обозримом будущем этого не случилось.

Беседовала
Валентина ТЕРСКАЯ.

Мужик, а мужик, депутатом будешь

— Ян, над кассой в театре висит афиша, где аршинными буквами написано, что в спектакле "Шум за сценой" участвует Ян Арлазоров. И все.

— Это сейчас так стали писать. А поначалу указывались главные исполнители "и др.". В число этих "и др." входил и я. Было ужасно обидно, но я не возражал. Теперь вот для заманивания зрителей вывешивают афишу только с моим именем. Кстати, без моего ведома и согласия, а отнюдь не потому, что я на этом настаивал, как могут подумать. Я называю эту изменившуюся ситуацию "долгой дорогой к рынку у страны и у меня". Еще одно подтверждение того, что реклама — двигатель торговли. В том числе и театральным "товаром".

— Театр, эстрада... Не ощущаете раздвоенности?

— "Шум за сценой" — спектакль буффонадный, близкий к эстраднему. В нем я тоже стремлюсь к импровизации и к этому подталкиваю и других актеров. Вообще спектакли, построенные по эстрадным законам, пользуются успехом. Вспомните "Юнону" и "Авось" в "Ленкоме", спектакли Константина Райкина, Виктюка. А что касается раздвоенности, разлада, то я ничего подобного не чувствую. Наоборот, театральные навыки помогают на эстраде, а эстрадные — в театре.

— Думаю, не ошибусь, если предположу, что ваш "мужик" побил все рекорды эстрадной популярности. Как ни остроумны ваши монологи в сольном концерте, публика предвкушает игру "в мужика". И как только вы произносите: "Мужик, а мужик, свистеть

умеешь? Ага! Будешь чайником!..", зал взрывается хохотом и аплодисментами.

— Ничего удивительного. Ведь многие из нас — дети коммуналок, нам необходимо общение. Выходя на сцену, я буквально кожей чувствую настрой зала. В этот момент возникает искреннее желание общаться со зрителями и с каждым человеком в отдельности.

Мой "мужик" незлой. С ним не скучно. Он придумщик и чуть-чуть аферист. Зрители невольно отождествляют его со мной, и я им подчиняюсь им, веду нехитрую, а подчас и просто глупую игру. А что? Все мы в сущности бывшие дети. Мне творчески и по-человечески интересно разбудить во взрослом человеке ребячество. Вспомните цирк, клоунов. Карандаш и его собака Клякса, Никулин и Шуйдин, Енгибаров, Олег Попов — у всех были свои маски, и публика охотно их игру принимала. Я своего "мужика" сдавать в архив не собираюсь. Пока он нравится, пока с ним хотят иметь дело, он еще поживет и поиграет с народом.

— А публика не обижается, когда вы обращаетесь к ней запанибрата: "Мужик, а мужик!"?

— Нет, что вы! Наоборот, ждут такого обращения. Когда иду от кулис, успе-

ваю выбрать пару-тройку "объектов", сгруппироваться и сориентироваться. Обращение к какому-то конкретному лицу воспринимаю как сигнал к игре. И пошло-поехало. Всем становится интересно.

— А бывали какие-нибудь казусы, смешные случаи с вашим героем?

— Как-то получил записку, в которой "коренной москвич" уличал меня в обмане. Он был убежден, что в зале на моих концертах присутствуют "подсадные утки" — мои знакомые и даже нанятые артисты, которые мне специально подгрызают. Ну как его в этом разубедить? Подумал бы он, где мне взять такое количество "уток" да еще безвозмездно, да еще если учесть, сколько у меня гастролей и концертов.

— Чего вам недостает в жизни?

— Любви и спокойствия. Все остальное может прийти и уйти.

— Вы уже, почитай, лет десять в одиночестве. Снова вступить в брак не собираетесь?

— Наверное, пора и мне дать пищу для слухов. Да, я собираюсь жениться. Уточню — на очень молоденькой. Сейчас вошла в моду большая разница в возрасте и с той, и с другой стороны. Надо и мне идти в ногу со временем.

— Слышала, что ваша

речь все время — и на сцене, и за столом — невозможно. Если смешишь всех в застолье, то что остается для сцены? Знаю по себе, что перед спектаклем артист должен сконцентрироваться, войти в образ, собрать энергию. Если пробаллагуришь за кулисами, за столом, в курилке, то на сцене играешь уже "вполноги", как говорят в балете. Пар-то уже выпущен.

— Вы не жалуете, что ушли из телепередачи "Аншлаг"?

— Я придерживаюсь принципа шахматистов: жертвуя фигурой, ты должен выиграть качество. А если жертвуешь ферзя — надо выигрывать партию. У меня, помимо "Аншлага", есть чем заняться. Недавно участвовал в телепередаче "Мое кино". Это была сплошная импровизация, как в джазе, как в футболе. Не знаешь, во что все выльется, чем закончится, чем, как говорят гадалки, сердце успокоится. Словом, мне понравилось. Теперь надо только преодолеть собственную инертность и начать сниматься и сниматься.

— А как насчет мемуаров? Не собираетесь засесть за них по примеру других артистов?

— У меня — особые мемуары. Это то, что я читаю со своей персоне, вспоминать

и этим я очень дорожу. Поэтому и не прибегаю к вокалу.

— Сейчас стало поветрием приглашать в депутатские кресла артистов. Особый упор вожди политических блоков делают почему-то на певцов.

— Надо же привлечь к себе внимание, сами-то "вожди" никому не известны. А так, глядишь, придут послушать певца, а одновременно и политиков.

— А вот юмористов среди кандидатов в депутаты, кроме разве что Леонида Якубовича — бывшего писателя-сатирика, что-то не видно. Боятся, что ли, их острого ума?

— Насчет острого ума сказать ничего не могу, а то, что мне такие предложения поступали — это точно. Но я категорически отказался. Чувство юмора не дает возможности всерьез занимать место в Думе. Могу скаламбурить так: мои думы не располагают всерьез думать о Думе. И потом — шуты всегда были при королях, но место их никогда не занимали.

— Как вы считаете, где ваше основное место — в театре или на эстраде?

— И там, и там. В Театр Моссовета я пришел 27 лет назад по приглашению Юрия Завадского. До этого работал после Щукин-